

Анна Кресеина

**Вернулась, наткнулась,
рехнулась**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
К77

Красевина А.

К77 Вернулась, наткнулась, рехнулась / Анна Красевина. – М.: Литнет, 2026. – 234 с.

ISBN 978-5-521-93901-5

Раньше Мирослава не верила в драконов. И уж тем более, что на них можно слетать на Луну. Но теперь ее зовут Лава Мирос, да и сам мир вокруг иной – магический, в котором все возможно. Неизменными остались только чувства, в том числе и главное – любовь, которая порой сильнее магии.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93901-5

© Литнет, 2026

© Красевина А., 2026

Глава 1

Я люблю лес. Но не в том случае, когда оказываюсь в нем неожиданно, без одежды, да еще и с чувством горькой утраты. Единственное, что утешало меня – точнее, это именно я так себя и утешала, – что мой любимый и его сестра, которая на самом деле сестрой не являлась, не погибли, что лунный маг пощадил их, оставив на складке с испорченным временем. Я решила так: пока не увижу принца и принцессу мертвыми, буду считать, что они живы. А с учетом того, что здесь я их увидеть уж точно никак не могла и перемещаться между складками не имела возможности тоже, моему любимому Гошеньке и славной, хоть и упрямой девочке Гале – на своих мировых складках известных как принц Пиктигоуша и принцесса Пиктигаула – суждено было остаться в моей памяти живыми навечно.

Поскольку ведьмой я была лишь частично, а в родном немагическом мире и эти мои способности сильно уменьшились, ни наколдовать одежды, ни стать невидимой я не могла, и отправилась к родному дому с надеждой, что хотя бы сумею отвести от себя людские взгляды. На всякий случай я нарвала веток и соорудила себе некое подобие юбки. Сверху тоже кое-как прикрылась ветками, но прекрасно понимала, что если мое колдовство не сработает, и прохожие меня все-таки увидят, то домой я вряд ли успею дойти – при виде такой кикиморы полицию вызовут точно. Или другие подходящие к ситуации службы.

Но пока я еще шла по лесной тропинке и могла не опасаться попасться кому-нибудь на глаза – даже если сюда забредет грибник, услышу его по шороху шагов заранее и успею спрятаться в кустах. В общем, пока что я была за себя спокойна, а вот за Галю и Гошу продолжала тревожиться. И пусть я даже заставила себя думать, что они живы, но грусть-тоска по любимому все равно никуда не делась – мы были теперь разлучены с ним навеки. И угораздило же

меня влюбиться в принца из чужого мира – что мне, обычных парней не хватало? Но я тут же мысленно зашипела на себя: «Обычный у тебя уже был! И надолго твоего обычного Валеры хватило? Обычным и хорошо лишь с обычными». Ну да, ну да – я-то ведь барышня особенная, мне с обычными скучно, мне принцев подавай – желательно из волшебных миров. Тьфу!

Я что-то вдруг так на себя разозлилась, что не заметила, как вышла из леса – очухалась лишь, увидев, что подошла к городским зданиям. А поскольку жила я на самом краю городка, то и мой дом был отсюда уже виден – оставалось лишь перейти дорогу.

Выбросив из головы лишнее, сосредоточившись и собравшись, я принялась колдовать. Представила, как посторонние взгляды скользят по мне, словно не замечая. Теперь оставалось проверить, сработало это или нет. Я гордо подняла голову, приняла независимый вид и пошла вперед уверенной походкой – так, словно ходить в одеянии из веток на голое тело вполне обычное дело. Вообще нужно в любой ситуации, когда в чем-то не уверен, действовать как раз уверенно, чтобы у всех сложилось впечатление, что этот человек знает, что делает. Идет по городу босая девушка, сверкая из-под веточек голый попой? Так она же не стесняется, не прячется! Значит, так надо. Может, кино снимают или психинтернат на каникулы распустили.

Удивительно, но это сработало. Может, конечно, и мое колдовство помогло, но я почему-то больше верила в силу независимого убеждения. И ведь почти дошла до дома – оставалось лишь пересечь двор, как вдруг откуда ни возьмись выскочила собака. Это была здоровенная черная дворняга с белыми пятнами. На нее колдовство не подействовало точно – она оглушительно залаяла и бросилась ко мне, отсекая дальнейший путь. Впрочем, стоило уже думать не о пути вперед, а о путях к отступлению, поскольку судя по злобно оскаленным зубам, намерения у псины насчет меня были серьезными. И что ей, интересно, так не понравилось? То, что у меня сквозь ветки просвечивали те места, которые люди

обычно скрывают? Но собаке-то какое до этого дело? Тоже мне, блюстительница нравственности! Сама-то, небось, всю жизнь без штанов бегаёт – и ничего.

– Кыш! – замерев посреди родного двора, махнула я на нее руками. – Брысь!

Руками я, наверное, махала зря – это разозлило псинку еще больше. Теперь она не лаяла, а свирепо рычала, показывая зубы совсем уже откровенно. Голову она при этом слегка наклонила, а лапы напружинила – вот-вот на меня прыгнет. И наверняка бы прыгнула, если бы вдруг перед ней не хлопнулось и не взорвалось звонкими осколками что-то белое – я не успела разглядеть, что это было, пока оно летело.

Собака испуганно заскулила, поджала хвост и умчалась. Мне сначала тоже хотелось умчаться, но от неожиданности я впала в ступор. А когда наконец пришла в себя, ближайший ко мне крупный осколок показался чем-то смутно знакомым. Я подошла к нему, наклонилась и подняла. Это был белый кусочек фарфора с фрагментом синего цветочного узора. Точно такого, как был на красивой гжельской вазе, которую мне подарил в день рождения Валера. И хоть этот изменщик меня бросил, ваза мне все равно нравилась. Хорошо, что разбитая не могла быть моей.

Подумав так, я невольно глянула на окна своей квартиры. И мне вдруг показалось, что за стеклом дрогнула занавеска. Да ну, бред! Я ведь была тут, а кто еще мог находиться в квартире? Скорее всего, в окне отразилась пролетающая птица, вот мне и почудилось что-то. И вообще, чем раскрыв рот хлопать глазами на окна, лучше поспешить к подъезду, пока не вернулась собака или не заинтересовались шумом жильцы. И я быстро зашагала к родному крыльцу.

На дверях подъезда блестел кнопочками домофон. Вот ведь гадство! Ключей у меня, разумеется не было – один комплект пропал вместе с одеждой во время перемещения на другую складку, а второй лежал дома.

Я уже хотела набрать квартиру соседей, попросить, чтобы впустили, но тут домофон пискнул, и дверь открылась. Ко мне навстречу шагнула живущая этажом ниже бабушка Ира. Увидев меня она ойкнула и перекрестилась:

– Мирослава, ты опять?

– Опять что? – заморгала я.

– Ну, за старое.

– Простите, Ирина Николаевна, я вас не понимаю. Разрешите, я пройду!

– Нет, погоди, – растопырила в стороны руки бабулька. – Вы, молодежь, совсем стыд потеряли – пьяными да голыми шастаете, а у меня внуки!

– Во-первых, я не пью, – рассердилась я. Хотела добавить: «В отличие от ваших внуков, которые вместо того, чтобы работать, vanno же пенсию и пропивают», но посчитала это некрасивым и добавила: – А во-вторых, я в таком виде оказалась не по своей вине, да и то впервые в жизни.

– Впервые! Женька из двадцать пятой вчера никакующая в одних труселях по лестнице бегала, орала да титьками трясла.

– А я-то тут при чем? – стала я закипать, намереваясь как-то сдвинуть с места соседку.

– При том, что вы, молодежь, совсем стыд потеряли! – завела она все ту же песню.

– Хорошо, я его поищу, – скрипнула я зубами, – только пропустите меня, пожалуйста.

– А вот не пушу, – стала закрывать дверь вредная старушенция. – У порядочных людей свои ключи имеются.

– Что вы делаете? Я сейчас стражников позову! – возмутилась я и выставила ногу, чтобы не захлопнулась дверь.

– Кого позовешь? – от неожиданности выпустила дверную ручку соседка, и я прошмыгнула наконец мимо нее в подъезд. Сзади донеслось торжествующее: – Совсем допилась уже, заговариваться стала!

А мне вдруг сделалось весело. Про стражников я ляпнула, конечно, случайно, зато живописно представила, как те заявились бы и взяли бабушку Иру под белы ручки со словами: «За нарушение права жильцов на свободное перемещение и оскорбление их достоинства, именем короля вы отправляетесь на пятнадцать суток в каземат!»

Весело мне было ровно до дверей своей квартиры. Там я встала столбом и принялась смотреть на нее, как баран на новые ворота. С небольшими уточнениями: вместо барана – овца, вместо ворот – металлическая дверь, к тому же совсем не новая, доставшаяся мне вместе с квартирой от прежних хозяев. И как попасть за нее, я понятия не имела. Мелькнуло раздражение на себя: собиралась же оставить комплект ключей у соседей, как раз для подобных случаев, но прособиралась вот. И что теперь? Самой мне такую дверь не выбить, даже с помощью топора или лома, если бы я их где-нибудь раздобыла. Вызывать спасателей? Телефона нет. Попросить соседей, чтобы вызвали? Нет уж, спасибо, хватило реакции и одной соседки. И ведь даже не пойдешь в таком виде в ту же полицию – это все равно что огонь бензином тушить.

В голове не было ни одной здоровой мысли. Я вдруг поняла, что оказалась в реально патовой ситуации. Захотелось сесть на ступеньку лестничного пролета и зареветь. Хотя я в принципе была не особо плаксивой, но когда вот так все разом навалилось, не только заплачешь – завоешь. И я от отчаяния сделала вдруг то, что было не только не логичным, но и попросту глупым – позвонила в собственную дверь.

– Кто там? – спросили с той стороны. – Представьтесь, пожалуйста.

Я тут бы и села, если бы не успела схватиться за дверную ручку. И от неожиданности, а скорее, от реального шока, даже не осознала, кто мне ответил: мужчина или женщина. И если женщина, то не я ли сама? Да-да, эта мысль первым делом и пришла в мою

ошарашенную голову. А что? Вдруг я вернулась не на родную складку, а на очень похожую копию, где живет – не тужит другая я? Поэтому и бабушка Ира сказала, что я «опять за старое» – может, эта Мирослава и на самом деле буйная. Но с другой стороны, сейчас она была моим единственным спасением, уж сама-то с собой я бы как-нибудь нашла общий язык. Пусть хоть оденет меня во что-нибудь, да я бы пошла назад в лес. Построила бы шалаш и жила там рядом с Болтуном – все-таки родственная душа.

Кстати... Болтуна ведь семья приняла, значит, у его деток другого папы не было. Или это ни о чем не говорит? Кто знает, какие у ежей семейные ценности, может, его супруга даже обрадовалась, что мужей стало вдвое больше – и безопасней, и сытнее. Впрочем, что я гадаю, сейчас отвечу на заданный вопрос, и все проявится.

Но подумать так было легко, а вот ответить... Мне стало жутко. Если там и правда вторая я – это ведь ужас-ужас! И потом, она может попросту не поверить моим рассказам об иных мирах и живущих там двойниках. Вот сама бы я поверила? Не уверена. И ведь если та Мирослава все же решится открыть дверь, то увидев меня, тут же захлопнет и ни за что такое чудо в перьях... в смысле, в ветках, к себе в дом не впустит. И правильно сделает, кстати. А если еще и куда следует позвонит, то я ее осуждать не стану.

В общем, я поняла одно: от того, как и что я сейчас отвечу, будет зависеть мое будущее. Ближайшее уж точно. И я как можно вежливее сказала:

– Меня зовут Лава Мирос. Я попала в затруднительное положение и знаю здесь только ваш адрес. Откройте пожалуйста, я не причиню вам вреда.

Глава 2

Замок знакомо щелкнул, и дверь тут же распахнулась, словно человек по ту ее сторону очень сильно хотел меня увидеть. Другое дело зачем – чтобы радостно обнять или чтобы не менее радостно надавать по шее за самозванство? Ну да, если бы ко мне заявила Лава Мирос... Э, нет! Если бы кто-то назвался таким именем в ту пору, когда я ничего о других складках пространства не знала, то я бы ни о какой самозванке и не подумала. Значит, что – меня и правда почему-то хотят обнять?

Эти мысли пронеслись в голове стремительно – еще быстрее, чем полностью открылась дверь. А уже в следующее мгновение я рванулась вперед, на кого-то тут же наткнулась и едва не рехнулась от материализации собственных мыслей: меня и правда сдавили в объятиях, вот только из-за быстроты событий и полумрака прихожей я не успела разглядеть, кто именно.

Но зато услышала – уже из глубины квартиры:

– Пиктигоуша, хура кастака Лава?

Голос был... Галин... Ну да, это определенно выкрикнула звонким голосом восьмилетней девочки принцесса Пиктигаула Энатакор! Вот только не могла она очутиться в моей квартире, никак не могла! Да и несла при этом какую-то чушь... Правда, назвала и два хорошо знакомых имени: мое собственное и... Гошино. Именно то, под каким и знала его иномирная маленькая принцесса. Но это значит, что обнимал меня...

Почувствовав, как понеслось вскачь обнадеженное сердце, я стала вырываться из объятий. Помогло в этом, что тот, кто меня обнимал, как раз ответил на вопрос девочки:

– Куротога, хура би.

Руки он при этом расслабил, и я сумела вывернуться.

Передо мной действительно стоял мой любимый – живой и скорее всего, невредимый. Во всяком случае, то, что было видно из-под

моего банного халата, в который он сумел втиснуться, не имело повреждений.

– Гошенька! – взвизгнула я, и сама теперь не менее крепко обняла его. Но вспомнив, что Галя, судя по всему, тоже присутствует здесь, объятия я вскоре разжала и выдохнула:

– Галчонок тоже с тобой?

Могла бы, конечно, не спрашивать, и так уже знала ответ, но слишком это все было для меня неожиданным – приятно неожиданным, даже очень, оттого, наверное, и верилось в это с трудом.

– Да, Пиктигаула также пребывает в данном помещении, – улыбаясь от уха до уха, с дикторской интонацией произнес Гоша. Сразу вспомнилось, что именно так, насмотревшись телевизор, разговаривал как раз «в данном помещении» мой любимый.

Именно теперь я наконец поняла, что говорит принц по-русски. А вот Пиктигаула... Я отодвинула Гошеньку в сторону и ворвалась в квартиру. Галя стояла возле двери, одетая в мою желтую футболку, которая была ей словно короткое платьице, и таращилась на меня с таким откровенным восторгом, что от нежности у меня защемило сердце. Я присела и осторожно, чтобы не поцарапать ветками, прижала к себе принцессу:

– Ты как? Лунатик вас не тронул?

– Ли герет монор экэсцин, – пробормотала Пиктигаула. И воскликнула: – Зекут пи герет ухлюпа коштор?!

Я вспомнила, что слово «коштор» на языке Гали и Гоши как раз и означало их язык. Обиссякский, как я его поначалу называла. Но почему я не помнила больше ни одного слова на нем? Впрочем, помнила: «чмук» и «шклискин пирканжак», но это были нецензурные ругательства. Удивительно, что мой интеллигентский мозг из всего языкового многообразия запомнил только их. И не менее удивительно, почему он забыл все остальные? Ответ на последний вопрос придумался только один: в магическом мире я впитала тот язык именно с помощью магии. Но как только вокруг не стало